

Л. М. Солдатова

О ХРАМЕ ВО ИМЯ ОБРАЗА СМОЛЕНСКОЙ БОГОМАТЕРИ В СЕЛЕ ДЕРЖАВИНО ОРЕНБУРГСКОЙ (ВПОСЛЕДСТВИИ САМАРСКОЙ) ГУБЕРНИИ

В 1864 г. в газете «Голос» Н. М. Благовещенский, один из поборников мысли об учреждении в России губернских художественных музеев, рассказал о заграничной встрече с русским художником, который в юности пришел пешком в Петербург из Оренбургской губернии с неодолимым желанием учиться живописи.

Этот человек, скрытый в статье под инициалами «И. А.», жил в крестьянской семье в деревне возле села Державино, где был храм, в который народ «ходил толпами», «не только для того, чтобы помолиться иконам, но и для того, чтобы полюбоваться ими, как высокими художественными произведениями». Автором иконостаса в этом деревенском храме был В. Л. Боровиковский. «Здесь-то, - замечал Н. М. Благовещенский, - он (художник «И. А.») получил первое понятие о живописи и неодолимое к ней влечение».¹

О храме села Державино впервые в советском искусствознании упомянула Т. В. Алексеева в книге «В. Л. Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII-XIX веков». Сославшись на перепечатку статьи Н. М. Благовещенского в журнале «Русская Старина»², она отметила, что никаких сведений об иконах Боровиковского из этого храма до нашего времени не дошло.³

Переписка Г. Р. Державина с управляющими его оренбургского имения, имеющаяся в архивах поэта, сосредоточенных в рукописном отделе Института Русской литературы (Пушкинский Дом) и в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки, а также материалы из архива Института истории материальной культуры позволяют подробно восстановить историю строительства и перестроек храма с 1759 до 1811 г., составить общее представление о его архитектурном облике и внутреннем убранстве в 1880-е годы и проследить судьбу икон работы В. Л. Боровиковского почти до 1917 г.

Сельцо Державино, «Смоленское, тож» было основано в 1753 г., когда Роман Николаевич Державин, подполковник Оренбургского Ландмилицкого полка, по своему «челобитью», получил «на корма» в 40 верстах от Борской крепости, на реке Кутулук, пустошь: «пахотной земли 300 четвертей в поле, а в дву по тому-же лесу». Для заселения ее тогда же было куплено 13 крепостных душ.

Через год Р. Н. Державин умер, оставив вдову с тремя детьми. Старшему, Гавриилу, исполнилось 11 лет. После смерти супруга

Фекла Андреевна Державина затеяла на реке Кутулук выстроить храм.

Уже при своем основании сельцо Державино получило второе название, Смоленское, и можно предположить, что строительство храма во имя образа Богородицы Смоленской было задумано еще при жизни главы семейства.

В те времена храмы строили «по обету», данному Господу, в благодарность за помощь в трудные моменты жизни. И причину обоюдной признательности родителей поэта образу Богородицы Смоленской нужно искать в том, что объединило их жизненные устремления, в рождении первенца.

Несмотря на твердое заявление Г.Р. Державина в автобиографических «Записках...»: «Я родился в Казани от благородных родителей в 1743 году июля 3 числа»⁴, вопрос о месте его рождения до сих пор вызывает споры. И это потому, что Я.К. Грот, первый биограф поэта, поверил не Державину, а «преданиям» жителей сел Сокуры и Кормачи, которые в 60-е годы XIX в. случайным паломникам показывали «место, где стоял дом, в котором родился поэт»⁵.

Окончить этот долгий спор позволяет имущественный документ, составленный за 10 дней до рождения поэта. Он дает веские основания свидетельству самого Г.Р. Державина и проливает особый свет на исторический контекст тех дней, который позволяет понять, почему образ Богородицы Смоленской имел особенное значение для родителей поэта и в честь него была построена церковь.

23 июня 1743 г. была составлена «Купчая на продажу Пелагеей Дементьевой Соколовой майору Роману Николаевичу Державину своего двора в Казани». Двор со строением находился возле храма Воскресения Господня и документ был заверен третьим лицом: иереем храма, Иваном Григорьевым. «Тысяча семьсот сорок четыре, третьего, июня в двадцать третий день, бывшего отставного солдата Сергея Антипьева сына Соколова, жена его, вдова Пелагея Дементьева дочь, с сыном своим, казанского гарнизона Свияжского полку барабанщиком Алексеем Ивановым, дала сию купчую казанского гарнизона секунд-майору Роману Николаевичу сыну Державину, что продала я Пелагея и Алексей ее майору Державину двор свой строение складное в приходе церкви Воскресения Господня... мерою того двора с лица поперешнику одиннадцать сажень, в другом конце пять сажень, 12 сажень с половиною длиннику....А взяла я Пелагея и Алексей ее от него майора Державина за тот двор со строением денег тридцать пять рублей ...»⁶.

Из этого документа следует, что в Казани за 10 дней до рождения Г. Р. Державина его отец приобрел дом, в котором семья прожила до

перевода Р.Н. Державина в Ставрополь (в настоящее время - Тольятти) для несения им своей воинской службы.

Казань, почти вся деревянная, за XVIII столетие несколько раз выгорала до основания и одним из таких «исторических» пожаров, 3 августа 1742 г., пострадала центральная часть города. Знание этого факта и могло доставить Я.К. Гроту дополнительные основания для того, чтобы не поверить заявлению поэта о месте его рождения.

Почему же Р.Н. Державин купил дом в испепеленной пожаром Казани накануне рождения первенца? Чтобы это понять, необходимо знать, что представлял собой к тому времени род Державиных.

Из пяти сыновей Николая Ивановича Державина, деда поэта, первый, Иван, умер бездетным, младший, Потап, в 8 лет (в 1722 г.) был «увечен, глух и дряхл» (?) и, возможно, не дожил до совершеннолетия. Роман Николаевич Державин был средним сыном. Иван-второй и предпоследний Василий не имели сыновей, поэтому имение Н.И. Державина в селе Кармачи унаследовали его внуки Миллеры и Глазатовы (ставшие наследниками и Г.Р. Державина, по причине отсутствия у него собственных детей). Двоюродный племянник имел единственного сына, также неизлечимо больного («увечен, глух и нем от роду своего»⁷). Поэтому ко времени рождения поэта не было наследника имени рода.

Роман Николаевич Державин в брак вступил в 37 лет. Его невесте, бездетной вдове друга и сослуживца по полку, Фекле Андреевне Гориной, урожденной Козловой, было 36 лет. По понятиям того времени они были «пожилыми» людьми. Предстоящее появление наследника ожидалось ими «в страхе Божиим», с молитвами и упованием на Господню милость и помощь Богородицы - заступницы.

Разрешиться от бремени Фекла Андреевна должна была к праздникам, посвященным Богородице, которые в Казани отмечали особенно торжественно и долго, в течение месяца.

Праздники начинались 25 июня крестным ходом из Седьмиозерной пустыни, которая находилась в 13 верстах от Казани. Во главе процессии несли чудотворный образ Богородицы Смоленской. Перед Казанью, возле Кизичского мужского монастыря, его встречал крестный ход с чудотворным образом Казанской Богоматери, а также со святыми иконами и множеством хоругвей от всех церквей города. После молебна «при звоне всех казанских колоколов, гrome труб и барабанов военной музыки» открывалось величественное шествие в городской кафедральный Благовещенский собор.⁸ Праздники заканчивались 26 июля возвращением святого образа в пустынь.

Начало обычаю положено в середине XVII в. В 1654, 1656 и 1658 гг., когда от моровой язвы население Казани вымирало тысячами, чудотворный образ Богородицы из Седьмиозерной пустыни трижды останавливал бедствие. В январе 1658 г. митрополит Лаврентий учредил порядок ежегодно выносить эту икону из пустыни, приносить ее в Казань «для благоговейного чествования», и в течение месяца, ежедневно, до праздника Смоленской Богоматери, с 5 утра до 11 вечера носить при звоне всех колоколов, по всем казанским церквям по особому расписанию и посещать все дома в каждом приходе, «потому что каждый благочестивый человек считает священным долгом и утешением для себя молебствовать ей в своем жилище».⁹

Церковная история насчитывает до 17 чудесных исцелений перед образом Богородицы из Седьмиозерной пустыни. Перед ним прозревали слепорожденные, исцелялись недужные женщины и дети, обретали силы парализованные, успокаивались бесноватые.

За несколько дней до начала праздников в Казань и в Седьмиозерную пустынь на богомолье стекались тысячи страждущих из всех близлежащих губерний. Р.Н. и Ф. А. Державины не могли остаться в 30 верстах от Казани в эти дни!

3 июля 1743 г. Фекла Андреевна разрешилась от бремени долгожданным сыном. Но из-за «вялости» младенца повитухам пришлось «допекать» его в хлебе, в русской печке. А чтобы придать ему «живительную силу», крестили его через десять дней, 13 июля, в день Собора Архангела Гавриила, в приходском храме Воскресения Господня и, вероятнее всего, перед чудотворным образом Богородицы Смоленской.

Через четырнадцать лет Ф.А. Державина определила двух сыновей, Гавриила и Андрея в гимназию «для дворянских детей», открывшуюся в Казани после пожара 1757 г. и состоявшую под ведомством Московского университета.

26 января 1758 г. она обратилась к епископу казанскому и свияжскому Гавриилу с прошением о благословении «...построить вновь церковь Божию деревянную, теплую во имя Смоленской Пресвятыя Б-цы с приделом Знамения Пресвятыя Б-цы»... в «сельце Смоленское»¹⁰, Державино тож, которое в приход еще никуда не приписано»¹¹. 30 марта 1759 г. особой «храмозданной грамотой» от казанской консистории она получила благословение «построить тое церковь и придел правильно убрать иконостасами и святыми иконами и прочим церковным благолепием, как святыя правила и церковные уставы повелевают, подобно других греческих церквей...»¹²

Освятив храм во имя образа Богородицы Смоленской, Фекла Андреевна уповала, что ее молитвы о сыновьях и впредь будут услышаны Господом.

Судьба не баловала Г.Р. Державина. Начав службу в 17 лет солдатом, первый офицерский чин он получил на 29 году. Через год вызвался участвовать в усмирении пугачевского бунта, вспыхнувшего в оренбургских степях, так как в Казани жила мать, был родной дом, все движимое и недвижимое имущество семьи находилось в губерниях, где «гулял» самозванец. Итог этой военной кампании для Державина был неутешителен: дом сгорел, мать «при нападении на сей город, яко жертва, уже на смерть приуготовленная, претерпела мучительный плен», деревни были «вконец разорены» своими же войсками, пущенными на построй¹³. Награды за самоотверженность действий он не получил.

После поимки и казни самозванца летом 1775 г. Державин «по ордеру» явился в Москву для продолжения службы. Его хлопоты о «награде наравне с другими» увенчались лишь через два года... получением статской должности сенатского экзекутора и 300 душ в Белоруссии.

В начале 1778 г. Г. Р. Державин вместе с молодой женой приехал в отпуск в Казань. После посещения своих имений он обратился к митрополиту Казанскому и Свяяжскому Вениамину с просьбой позволить вместо деревянной обветшавшей церкви в селе Державине (Смоленском) построить каменный трехпрестольный храм, освятить его во имя Воскресения или Обновления Господня и сделать два придела в нем во имя образов Богородицы Смоленской и Богородицы Знамения.

В ноябре 1778 г. из консистории он получил ответ: «...Сею грамотою соизволяем ему просителю по вышеписанному его желанию оную церковь Божию, каменную с двумя приделами и вышеереченныя наименования, заложа по церковному законоположению в присутствии иерейском построить, и по устройении убрать оные иконостасами, и святыми иконами, и прочим церковным благолепием, как святые правила церковного Устава повелевают подобно других грекороссийских церквей... и оные святые иконы написаны были самым добрым и искусным мастерством, по греческому обыновению, престолы построить по силе присланного в прошлом 1734 году сентября 13 дня из Святейшего Правительствующего Синода указа пропорционально, а именно в высоту аршина четырех вершков, в длину аршина осьми вершков, в ширину аршина четырех вершков, да и жертвенник поставить на восток, так как и престолы, и все подлежащее ко оснащению той церкви и приделов изго-

товить, и чтоб церковные сосуды были серебряные, а по самой необходимой нужде оловянные, но из чистого олова сделанные, тако же алтарные одежды у священнослужительского облачения имели хотя б шелковые и книгами до церковного круга принадлежащими удовольствована б новоисправными...».¹⁴

Строительство храма, начатое летом 1778 г., спустя шесть лет, в 1784 г., было близко к завершению, что видно из строк письма-завещания Ф.А. Державиной, обращенного к сыну: «...в Кутулуцкую церковь отдать 100 рублей для крыши... Двор у Грузинской продать и деньги отдать в церковь Кутулуцкую»¹⁵

Кто был автором архитектурного проекта и кто возглавлял строительство до 1784 г. - об этом можно только гадать. Существует попытка приписать авторство архитектору Н.А. Львову ¹⁶, который в 1778 г. вместе с Державиным участвовал в перестройке зала заседаний в Сенате, а в 1786 - 88 гг., во время генерал-губернаторства Державина курировал проектирование многих зданий в Тамбове, «смотрел», «переправлял» планы губернского архитектора и даже отправлял в помощь ему итальянца Лукини. Однако в переписке Державина со Львовыми нет упоминаний о храме в оренбургском имении поэта.

Как показывают архивные документы, Державин, умеющий рисовать и чертить, самостоятельно, со знанием дела, заочно входил во все подробности строительных работ. Обсуждать с ним и, в той или иной степени, «поправлять» архитектурный план, выполненный каким-нибудь канцеляристом по личным указаниям поэта, мог и Н.А. Львов, но никаких доказательств этого пока не найдено.

Распорядителями работ по возведению храма часто становились случайные люди и строительство затягивалось, а после 1784 г. остановилось. Здание недостроенной церкви уже через три года потребовало перестроек.

16 февраля 1787 г. Гавриил Романович отправил из Тамбова к приказчику села Державино Даниле Евсееву с сопроводительным письмом «...нарочного, знающего архитектурную науку, которому... велел осмотреть церковь и сделать примечание на оную в расуждение ее прочности, и снять план для иконостаса».¹⁷

Вышеупомянутый «нарочный», канцелярист Нагаев, получил обстоятельные указания: «Будучи же в селе моем Державино исполнить следующее: 1-е, осмотреть новоскладенную каменную церковь, а особенно колокольню, надежна ли она к прочности? Ибо в бытность мою в 1784 году часто примечал я, что она дала трещину и несколько наклонилась. Тогда же заметил я: что окна весьма были

дурно складены, то сделать примечание: нельзя ли не попорчивая сводов, переправить оные, и хотя бы в главной церкви выбрать решетки, и сделать затворы с внутри церкви, или как лучше.

2-е, снять внутри главной церкви и в приделах местам, где должно быть иконостасам ширине и высоте верный план и привезть ко мне, дабы по оному можно было сделать иконостас, вымерять место (...)

На сколько сажень должна быть каменная ограда, и сделав оной прожект, не весьма затейливый быть положением таковым, чтобы ворота большие были к господскому двору, к мосту... А на реку, где ехать... для водосвятия никакой ограды бы ненадобно, ибо тут я приказал насадить деревья.

По сделании проекта, сделать смету, сколько надобно кирпича и прочего материалу, и буде кирпича наделано недостаточно, и также другого материалу мало, то приказать приказчику, что нужно нынешним путем, а что весною до рабочей поры как-то кирпич наделать, набжечь, заготовить. Потому что я летом намерен в село послать каменщиков для переправки церкви и для строительства ограды...»¹⁸

К 1790 г., когда Гавриил Романович из Тамбова вернулся в Петербург, храм в селе Смоленском все еще не был достроен.

Анисим Михайлович Перфильев, губернский секретарь и отставной провиантмейстер, принявший «во всех вотчинах» поэта «управительскую должность» на два года, по «условию», составленному с Г. Р. Державиным, от 30 октября 1790 г., свое «главное жительство» получил в «Уфимской губернии, Бузулуцком округе, в селе Смоленском, Державино тож».

Кроме сельскохозяйственных дел по имению, А. М. Перфильев обязывался «завести» к зиме винокурный завод, устроить полотняную и суконную фабрики, переделать и поднять плотину на реке, «наилучшим образом» установить мельницу. Он стал заниматься и приведением в порядок храма.

В своем первом «донесении», не скрыв возмущения деятельностью предшественников, он описал страшный вид «долгостроя»:

«На церкви крышка жалости подобна. Кроме тех мест, где крыта железом, крышки ничего нет; одни своды, от зимы оставшимся снегом, а летом от дождей размывает, хуже на углах, порос по кирпичам мох, крыльцы от мокроты отделились. В трапезе по стенам трещины, - я для сие сколько буде можно и успею постараюсь покрыть тесом, который и готовлю; трещины также (неразборчиво - 1 слово) каменщик Антон поправит, прикажите ему вручить... План церкви в Ваших бумагах я нашел и по приказанию при сем прилагаю».¹⁹

Через два года, к сроку окончания «договора», Перфильев отчитывался об изменениях, произведенных им в селе Смоленском:

«Церковь каменная, которая несколько лет, как я доносил Вашему Превосходительству, стояла без крышки, покрыта в два теса исправно, только выкрасить, я думаю, не успею. Кресты на главы также поставлены. О окнах, которые, по малости их делают великую темноту и отнимают красоту; не приказано ль будет их прибавить и каковую меру сделать, так же и железные в них решетки, о сем не получал я Вашей еще резолюции.

Так же о иконостасе, прикажете мне здесь сыскать и подрядить мастера, который бы с помощью своего столяра мог начать оный делать. Все здесь усердно желают и радуются, что Его начали приводить в совершенное исправление. Если прикажете, то буду ожидать оному рисунка, каковым манером оной быть должен.

Ограду около церкви решетчатую также постройкою окончил, которая и красоту делает теперь селу несравненную... Около пруда с улицы близ церкви по крутой горке от разлива сделан будет обруб с перилами... и улица так расчищена и уравнена, что проезжающим никакой уже опасности быть не может...»²⁰

14 июня 1792 г. Г. Р. Державин сообщил Перфильеву, что «модель иконостаса уже послана» и приказал начинать делать оный «сколь можно с моделью, чтобы сходно и чище сделано было». «Образа, - писал он, - уже самым лучшим мастерством пишут, и может быть, к марту месяцу будут готовы...»²¹

Летом 1792 г. в храме уже производил службу молодой священник Михаил Симеонов. 20 августа он прислал поэту письмо с приложением «Слова, говоренного им июля 11 дня в храме Смоленския Божия Матери» и «Слова на праздник Божия Матери Смоленския».²²

Но несмотря на то, что в храме уже были службы, иконостасы еще не были готовы, так как 29 июля 1793 г. Гавриил Романович все еще хлопотал о присылке золотаря, о том, что «надобно стараться иконостас поставить». И сообщал управляющему, что «многие образа готовы и будущей зимою все поспеют, которые и не упущу доставить».

Из переписки с Перфильевым выясняется, что храм строился по плану, но не обозначено ни имя архитектора, ни имя того, кто писал образа для основного иконостаса «самым лучшим мастерством» (то есть, В.Л. Боровиковского) и когда они были привезены в село Державино.

15 июля 1794 г., на 34 году жизни, умерла Екатерина Яковлевна Державина. «Домовитая ласточка», «души половина» Гавриила Романовича, певунья, поэтесса и художница, неутомимая труженица, стараниями которой обустроивались дом наместника Олонец-

кой губернии в Петрозаводске, дом генерал-губернатора в Тамбове и «храмовидный» дом Сенатора и Члена Государственного Совета в Петербурге, на Фонтанке.

Вероятно, к созданию проектов (или моделей) иконостасов храма в оренбургском имении Е. Я. Державина имела прямое отношение, потому что в ее переписке с подругой и тамбовской писательницей Е. Л. Ниловой (урожденной Бороздиной) есть упоминание о присланном ею из Петербурга в Тамбов в 1789 г. рисунке иконостаса Свято-Троицкого подворья, и ожидаемом скором его возвращении.²³ Кроме того, как видно по архивным документам, Екатерина Яковлевна сама написала иконы для иконостаса одного из приделов храма. Возможно, начала эту работу будучи губернаторшей, так как в обозе, перевозившем имущество из Тамбова в Петербург в 1790 г. был обозначен «Ящик с образами на стѣне».²⁴

Строительство храма на Руси всегда считалось делом особо угодным Господу, и иконы мог писать не всякий. Для этого требовалась не только профессиональная подготовка и мастерство, но и духовное воспитание иконописца и соответствующее состояние его души во время работы. Женщинам было запрещено писать образа. Екатерина Яковлевна могла получить духовное благословение на подобный труд в виде исключения, потому что ее набожность, благочестие и мастерство не вызывали сомнений.

Перед тем, как начать работу, художник держал строгий пост, обет затворничества и молчания, и только после этого получал благословение духовного пастыря на подвиг и таинство воплощения первообраза. Ранняя, на 34 году жизни, смерть первой жены поэта, причина которой до сих пор неясна, могла быть связана с ее аскетическими подвигами, изнурившими плоть. Здоровье Екатерины Яковлевны поколебалось уже в Тамбове. В апреле 1794 г., за три месяца до кончины супруги, Державин сообщал И. И. Дмитриеву: «Катерина Яковлевна насилу, насилу теперь только стала отдыхать и воскресать из мертвых».

В память о своей «домовитой ласточке» Гавриил Романович старался во всем «исполнить ее волю». Одной из важнейших забот его в начале 1795 г. стало завершение оригинального убранства как дома на Фонтанке, так и храма в селе Смоленском.

Работами по благоустройству и украшению храма в 1794-96 гг. занимался Петр Иванов Чичагов²⁵, помещик из Бугульмы, зять друга поэта, Д. Б. Мертваго. «Он был и живописец и архитектор: сам построил церковь для своей тещи Марьи Михайловны (Мертваго) в саду близехонько от дома и сам писал все образа» - вспоминал о Чичагове, получившем «по-тогдашнему блестящее и многосторон-

нее образование» и одаренном самыми разнообразными талантами и способностями, С.Т. Аксаков.²⁶

15 января 1795 г. «золотарю за иконостасную работу» было заплачено 300 рублей. Тогда, по-видимому, П.И. Чичаговым в иконостас были вставлены иконы, написанные «самым лучшим письмом» и доставленные с оказией.

В письме Г.Р. Державина к Д.Б. Мертваго 3 февраля 1795 г. с сообщением о его вступлении во второй брак, сообщалось также об усилиях, предпринятых для завершения интерьера церкви в других приделах: «Рамку стеклянную (!) для иконостаса я заказал, и как оную, так и образа, деланные для другого придела, летом доставить и в которое время буду скорее и сам побывать».²⁷

Из письма поэта к тому же адресату 3 мая 1795 г. выясняется, что П.И. Чичагов занимался и проектными работами, а также сам выступил в роли художника: «Прошу братец уведомить Петра Ивановича Чичагова, что я ни стеклянного моего иконостасу, ни хрустальных (!) рамок по рисунку его (!) достать не мог.

Заказал было сделать на стеклянном заводе, но завод погорел: то негде здесь теперь их сделать и долго дожидаться, для того прошу Петра Ивановича по его обещанию сделать таким образом: расписать арабеском и покрыть стеклом простым, а люстр на середину церкви и хрустальных паникадил к местным образам я доставлю летом, так как и окладные иконы в другой придел».²⁸

3 июля 1795 г. Державин опять выражал свое беспокойство по поводу окончательной отделки храма: «прошу Петра Ивановича стеклянный иконостас по его искусству (!) отделать, а деревянный для поставки образов домашних приготовить только связи, а когда приеду и привезу образы, тогда можно будет и решетки сделать».²⁹

16 сентября П.И. Чичагов сообщил Г.Р. Державину, что «хоругви и с ними святыя образа все получены в исходе прошлого месяца», что «на приделе ж, где образа работы покойной Екатерины Яковлевны, сделал я надпись из алтаря на самом иконостасе. И копию с нее здесь к Вам прилагаю».³⁰

«Надпись на иконостасѣ.

В сѣм иконостасе

всѣ святыя образа работы

Покойной Екатерины Яковлевны Державиной

о которой память да совершается здесь вечно

с приношением бескровныя к богу жертвы

на сѣм святом престоле».³¹

22 ноября 1795 г. Г. Р. Державин в письме к Д. Б. Мертвого благодарил Петра Ивановича за иконостас и просил отправить в село Смоленское «непреренно священника, дабы освятить церковь».³²

20 октября 1796 г. в имении был устроен праздник на всю округу. Храм был освящен, но по-прежнему, во имя образа Богородицы Смоленской, в память о матери и о первой супруге поэта. Державин приехать на праздник не смог.

П. И. Чичагов управлял имением Г. Р. Державина более 10 лет. Будучи искренним почитателем поэта, но рачительным хозяином и честным человеком, он, по мере необходимости, перечил его распоряжениям. Так январе 1800 г. он отказался прислать в столицу крепостного Антона-каменщика, извещая, что «колокольня в селе час от часу оседает прочь от церкви и такая сделалась от трапезы трещина, что опасно скорейшего колокольни падения, и я намерен нынешнюю весною пробрав стену сделать контрфорс со стороны пруда для подкрепления, чего кроме его делать некому.»³³

Планам управляющего по ремонту храма и колокольни не суждено было исполниться. 16 апреля 1800 г. загорелся винокурный завод, «в четыре часа сгорел, и перекинуло пожар на село, и сгорели десять крестьянских дворов, заводской магазейн с мукой, барский дом и две людские избы... Не только строения, но и хлеб в гумне сгорел».³⁴ Бедствие не нанесло урона храму, отделенному прудом от всех построек в имении, но главной заботой П. И. Чичагова стало восстановление всех сгоревших построек в имении Державина. Перестройкой храма стал заниматься уже новый управляющий имением, помещик из Бугульмы, Василий Петрович Рычков.³⁵

10 декабря 1806 г. он сообщал Г. Р. Державину: «Осматривая в селе Вашем церковь, не мог я налюбоваться прекрасной живописи иконостаса и хорошему оных расположению, что принадлежит до церкви, то она требует поправки показавшимся двум небольшим трещинам в трапезе на своде: но колокольню, которая несколько начала наклоняться по стороне северной, надлежит по времени переключивать непременно, для чего и приказал я в удобное время заготовлять нужный материал, как-то кирпич, известку и алебастр, а как вы изволили обещать для переправки прислать архитектора, то по заготовлении нужного к перестройке материала, особенно вас о сем уведомлю...».³⁶

Оставленные В. П. Рычковым документы позволяют судить о характере и объеме строительных работ, продолжавшихся до 1811 г.

В лето 1809 г. была снята с купола крыша и крест, «выбрано» старых кирпичей «с колокольни и трапезной» 116 000 сажень, «выбрано старого буту - 7 сажень, наломано, избито - 8 сажень». «Вы-

рыт под колокольню ров - 25 кубических сажень земли, под колокольню употреблен бут - 30 сажень»³⁷.

После того, как Г. Р. Державин, по настоятельному требованию В.П. Рычкова, прислал из Петербурга архитектора (имя которого не отражено в переписке), который составил обстоятельную смету, с каменщиками был заключен контракт на два года.³⁸

30 сентября 1809 г. В.П. Рычков сообщил Г.Р. Державину, что за лето «Колокольни же складено от земли в вышину на 6 аршин. Трапезы с одной стороны только по окошки, а с другой складено вровень с окошками».³⁹

В лето 1809 г. каменщикам было заплачено 1248 рублей 15 копеек. В следующий год «по силе контракта» предполагалось заплатить 1220 рублей 60 копеек.

Третий строительный сезон 1810 г. начался 16 мая. Конторщик Николай Разуваев сообщал В.П. Рычкову в Бугульму: «Каменщиков 26 человек и с ними настоящий подрядчик вчерашний день приехали, а потому теперь и будет главное занятие за подвозом к церкви материалов, а особливо возка из Бугуруслану камня».⁴⁰

Сезон 1811 г., судя по всему, был завершающим. 4 июня 1811 г. винокур Павел Разуваев, который был главным распорядителем и строительных работ, сообщил В.П. Рычкову, в его имение: «На сих днях приезжал из Оренбургу архитектор Малахов⁴¹, осматривал всю церковь, что нашел непрочно, приказал переделать, а в иных местах вновь сделать; ограду советовал для прочности покрыть железом, сделал модель какие должны быть кресты, так же для прочности советовал окрасить всю церковь зеленой краской, ...кресты золотить или красить мы не знаем, то на оное должен ожидать от вас приказание...».⁴²

7 июня Рычков сообщал Г.Р. Державину, что после этой основной перестройки здания храма возникли проблемы с восстановлением его интерьеров: «в обеих приделах по переделке сеней, иконостасы необходимо нужно переделать, потому что прежние не приходят по мере... Буде делать новые в приделах иконостасы, то у меня теперь есть вольный резчик, который делает иконостас в большую церковь в селе моем, то можно будет по отделке его подрядить.»⁴³

Судя по всему, именно в 1811 г. и произведены были иконостасные работы, которые заменили «роспись арабеском под стеклом», выполненную в 90-е годы XVIII в. П.И. Чичаговым. После этого уже невозможно было прочесть надпись на обороте иконостаса и опознать иконы, написанные Екатериной Яковлевной Державиной. Память об этом была утрачена. Каким был облик иконостасов и

внутреннее убранство храма после перестройки, по сохранившейся переписке Державина с Рычковым установить не удалось.

В архиве Института истории материальной культуры сохранились материалы, которые позволяют узнать некоторые дополнительные подробности о убранстве храма, сохранившемся уже к концу XIX в. и об иконах кисти В. Л. Боровиковского⁴⁴, украшавших большой иконостас.

Сохранилась «метрика» церкви села Державино, составленная 12 марта 1887 г. ее настоятелем, священником Феофаном Тихомировым, по опросному листу, присланному из Императорской Академии Художеств.

Как свидетельствуют ответы настоятеля, создание храма в 1880-е гг. датировалось 1806 г., так как существовал план храма с обозначением даты и надписью, сделанной рукой поэта: «Построить церковь в селе Державине таким образом. Г. Державин».⁴⁵

Храм был одноэтажный, в плане имел вид разностороннего креста. В высоту и в длину он был - 16 сажень, в ширину - 8 сажень. Гладкие наружные стены имели карнизы из кирпича в виде поясков. Дуговая кровля на сводах, на два ската, железная, была выкрашена зеленой краской. После 1811 г. храм венчали две главы в виде пирамидальных шатров, покрытые железом, выкрашенным зеленой краской. На главах были железные четырехконечные кресты. Пирамидальная колокольня, из кирпича, одного времени с церковью, имела семь колоколов.⁴⁶ Окна храма были продолговатые, сверху полукруглые, с железными решетками. В алтаре - три, в северном и южном предалтарии - десять, в трапезе - шесть. Три двери, северные, южные и заставные - были обшиты железом и также выкрашены зеленой краской. Паперть организована была с трех сторон. В храме было два придела. Алтарь с одним полукружием отделялся каменной стеной с тремя пролетами и его помост был возвышен от помоста храма на одну ступень. Своды были устроены котловые (для сквозного фонаря). Столбов и лепных украшений не было. Купол был расписан живописным письмом. Пол был одинаковый в алтаре, храме и притворах, чугунный.

Главный иконостас в два яруса, с колоннами, был украшен золоченой резьбой из дерева, помещенной на алом фоне.

Метрикой 1887 г. в иконостасе были обозначены только четыре иконы старого письма: образа Спасителя, Божией матери, Рождества Христова и Воскресения Спасителя - «все эти иконы написаны на кордоне (так в документе! - Л. С.), русские, высокой живописной работы, написаны они, как сказано в летописи за 1867 год, в Санкт-Петербурге известным художником Бравиковским (так на-

писано! - Л. С.) за четыре тысячи рублей. Подарены они, как говорит народное предание, помещиком села Державина Гавриилом Романовичем Державиным в Смоленскую церковь». ⁴⁷

В фонде «Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины» имеются сведения о шести или десяти иконах работы Боровиковского, сохранявшихся в храме до 1911 г.

5 июля 1911 г. студент Императорского Юрьевского университета Петр Никольский обратился с письмом к председателю «Общества защиты и охраны памятников искусства и старины», великому князю Николаю Михайловичу, сообщая в нем, что в селе Державине Самарской губернии Бузулуцкого уезда есть церковь, построенная «во времена императрицы Екатерины Второй известным поэтом и государственным деятелем Гавриилом Романовичем Державиным. В этой церкви сохранилось 10 (!) икон, писанных знаменитым художником Боровиковским» ⁴⁸, которые находятся в плачевном состоянии и требуют особой заботы об их сохранности. ⁴⁹

Кроме четырех икон большого размера из первого яруса иконостаса (Рождества Христа Спасителя и поклонения ему волхвов, Воскресения Христова, образов Спасителя и Богоматери), упомянутых в «метрике» храма 1887 г., Петр Никольский назвал еще шесть: иконы Архангелов Михаила и Гавриила на Северных и Южных вратах иконостаса, две иконы Богоматери и Архангела Гавриила, на царских вратах иконостаса, «изображающие одно священно-историческое событие - Благовещение Пресвятой Богоматери» и еще две иконы на царских вратах, «изображающие четырех евангелистов, по два ... на каждой иконе».

На запрос Общества «какими документальными данными располагает церковь с. Державино в удостоверении того, что на ее старом иконостасе имеется 10 икон, писанных знаменитым художником Боровиковским», ⁵⁰ священник Николай Никольский (брат вышеупомянутого студента) отрапортовал: «в летописи, хранящейся в церкви села Державина, буквально за 1867 год написано так: в настоящем храме 6-ть местных икон: Спасителя, Божией матери, Рождества Христова, Восстания из гроба и двух ангелов на северной и южной дверях, высокой живописной работы. Они писаны в Санкт-Петербурге, назад тому 69 лет известным художником Бравиковским (так в документе - Л.С.) за четыре тысячи рублей». ⁵¹

После получения такого ответа «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» ходатайствовало перед Самарским губернатором «об оказании содействия и ограждения от порчи художественных произведений великого мастера».

По поручению генерал-губернатора Н. Протасова иконостас «сохранившийся в церкви села Державина, Бузулукского уезда... с имеющимися в нем 6-ю, а не 10-ю писанными художником Боровиковскими иконами, был осмотрен... полицией (! - Л.С.), при сем оказалось: две из этих икон покрыты мельхиоровыми ризами, а остальные четыре совершенно открытые и безусловно подвергаются порче от сырости, пыли, а некоторые даже от огня свечей». Для ограждения икон от порчи и лучшего сохранения их полиция рекомендовала: «1. - у икон сделать поручни, 2 - поставить их за стеклом, 3 ... иконостас желательнее бы несколько отодвинуть от стены, дабы он не подвергался влиянию сырости». Постановку поручней, устройство на иконах рам со стеклом, а также удаление иконостаса от стены местный священник о. Николай, по распоряжению полиции должен был принять «на свои средства».⁵²

В феврале 1912 г., предприняв меры для спасения икон, настоятель храма доложил об этом в Петербург: «весь иконостас... огорожен прочною деревянною загородкой, под иконы сделаны широкие подрамники, от стен иконы несколько отставлены и заключены под стекло».⁵³ Однако, несмотря на принятые им меры, за полную сохранность икон о. Никольский не мог поручиться, и выражал свое беспокойство «потому что храм старый, низкий, при большом стечении народа, особенно в дни великого поста, открывается течь по стенам его, иконы сильно потеют, а писаны они на картоне», и высказывал слабую надежду на то, что общество все-таки «найдет возможности применить более действительные средства для сохранения этих памятников искусства».⁵⁴

В ответ он получил благодарственное письмо с подписью великого князя, и выражением «искренней признательности за такое просвещенное содействие задачам общества».⁵⁵

Через год в журнале «Старые годы» был опубликован «Отчет о кратковременной деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», в котором оповестили публику, что «общество позаботилось о сохранении триумфальных ворот в Иркутске, икон Боровиковского в церкви села Державина Самарской губернии, о ремонте Псковского детинца».⁵⁶

Приближалась Первая Мировая война и Октябрьская революция, время тяжелое для добровольных краеведческих организаций, охраны памятников, для храмов и «служителей культа».

Декретом Совета Народных Комиссаров от 10 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранение памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» при каждом губернском городе были созданы Художествен-

но-Археологические секции отделов Народного образования. В январе 1919 г. Комиссариат Народного Просвещения организовал Всероссийскую Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Можно только надеяться, что иконы кисти замечательного русского художника В.Л. Боровиковского из храма, построенного иждивением Г. Р. Державина в своем имении, а также иконы из этого храма, написанные первой супругой поэта, все-таки не погибли. И сбереженные в запасниках местного краеведческого или художественного музея, в частной коллекции или в доме верующего крестьянина, они еще смогут радовать собой людей в XXI веке так же, как и в начале XIX века крестьянского мальчика, который от их чудотворного воздействия испытал неодолимое желание стать живописцем.

Примечания:

1. «Голос». 1864. № 326.
2. «Русская Старина». 1892, II (февраль). С.526
3. Т.В. Алексеева. В.Л. Боровиковский и русская культура на рубеже 18 - 19 веков. М., 1975. С.68, сн.92.
4. Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Избранные произведения. М., 1984. С.25.
5. Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997. С.22.
6. «Купчая на продажу Пелагеей Дементьевой Соколовой майору Роману Николаевичу Державину своего двора в Казани». 1743. 2 л. РГИА, ф.1640, оп.1, N 68
7. РО ИРЛИ, ф. 15904, ХСVIII б 5, л.7(12)об.
8. Справочная книга для Казанской епархии... Сост. Священник Г. И. Богоявленский. Казань. 1900. С.577
9. Там же. С.578.
10. Следовательно, к 1759 г., когда церкви еще не было, сельцо уже было названо во имя образа Богоматери Смоленского образа.
11. Образ Богородицы Знамения был родовой святыней Р.Н. Державина. Изображенный в центральной части нательного складня, он сопровождал его во всех военных походах. Складень впоследствии принадлежал Г.Р. Державину.
12. РО ИРЛИ, ф.96, оп.11, N 1. «Старинные бумаги 1752 - второй половины XVIII века», л.1-8.
13. «...я лишился в Казани всего иждивения движимого, а в Оренбургском уезде, не говоря о грабеже злодеями, лишился того, что состоянию моему очень важно, ибо свидетельствовать может то его сиятельство князь П. М. Голицын, что весь транспорт, идущий с провиантом к Оренбургу, что сделает всех более 20 000 подвод, был недели две весь на моем коште, съел меня и разорил в пользу отечества наголоу.» Из докладной записки Г. Р. Державина - Екатерине II // Сочинения Г.Р. Державина...т. V. СПб., 1887. Приложение XII к № 271. С.261.

14. РО ИРЛИ, ф. 96, оп.11, N1, л. 1-3.
15. Сочинения Г.Р. Державина... Т. IX. СПб., 1887. С.12-13. Из выписок К.Н. Бороздина.
16. А.В. Татаринов. Церковь Знамения (Богородицы Смоленской) в селе Державино. К вопросу об атрибуции // Державинский сборник. Новгород. 1995. С.111-117.
17. РО РНБ, ф. 247, т. XIX, л. 58
18. РО ИРЛИ, ф. 247, т. XIX, л. 56 - 58.
19. РО РНБ, ф. 247, т. 18, л.173-174.
20. РО РНБ, ф. 247, т. XVIII, л. 183-191.
21. Там же.
22. РО РНБ, ф.247, т. XXIV, N 28 -28а, л.205 - 209.
23. Е. Л. Нилова - Е. Я. Державиной. май 1789. Из Тамбова в Петербург. «За рисуночек иконостаса покорно Вас матушка благодарю, и по снятии с него копии доставить вам оный не оставлю; только кажется, что он не точно изображает иконостас Троицкого подворья; у того северные двери в циркуле, а над карнизами дуги, соединяющиеся под кроною, а тут подобие фронтона на карнизах». // Сочинения Г.Р. Державина... т. V, СПб.1887. С.755-757.
24. РО ИРЛИ, ф.96, оп.11, N 7. л28-28об.
25. П.И. Чичагов правительством был сослан на жительство в Уфу за какой-то «непростительный обман», на который он решился, чтобы получить руку богатой невесты из рода Римского - Корсакова. В ссылке, после смерти своей первой жены, он женился вторично на К.Б.Мертваго. Участие в его судьбе Г.Р.Державина, его хлопоты при дворе, привели к тому, что П.И.Чичагов «был прощен, но не имел права выезжать из Уфимской губернии».
26. С.Т.Аксаков. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания. Лениздат. 1984. С.165.
27. РО РНБ, ф.247, т. XXXVI. Л.15 об.
28. РО РНБ, ф.247, т. XXXVI, л.17.
29. Там же. л.21 - 21 об.
30. РО ИРЛИ. ф.96, оп.11, N 8, л.17 об.
31. РО РНБ. Ф.247, т.19, л.127. Эта надпись впервые была опубликована без ее графических особенностей, обозначенных П.И. Чичаговым в тексте, присланном им Г.Р. Державину, А.В. Татариновым. А.В. Татаринов. Церковь Знамения (Богородицы Смоленской) в селе Державино. К вопросу об атрибуции // Державинский сборник. Новгород. 1995. С.115.
32. РО ИРЛИ, ф. 96. Оп.11, N 8, л.204.
33. Там же. л.224 - 225.
34. Там же. л. 224 - 225.
35. В.П. Рычков был младшим сыном П.Н. Рыčkова, первого историографа Оренбургского края, члена-корреспондента Российской Академии Наук, автора многих сочинений, знакомого поэту по переписке с ним. В.П. Рычков жил постоянно недалеко от Бугульмы в родовом имении Благовещенское и посещал село Державино наездами. Управлял именем поэта около 10 лет.
36. РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, N 47, л.103.
37. Там же. л.225-227.

38. Архитектор уехал из села Смоленского 11 сентября. В обратный путь «на прогоны и дорожные издержки» он требовал 400 рублей, но за неимением распоряжения по этому поводу, получил от управляющего 250 (пусть был неблизкий, и архитектор должен был ехать «на перекладных», вероятнее всего, до Петербурга).

39. РО ИРЛИ, ф.96, оп. 11, N 47, л.233.

40. Там же, л.245 об.

41. Там же. Это единственное имя архитектора, причастного к постройке храма, которое отражено в переписке Г.Р. Державина. Малахов осуществлял надзор за завершением строительных работ в храме.

42. Там же.

43. Там же. л.248.

44. В.Л. Боровиковский был близко знаком с Н.А. Львовым, в начале 1790-х годов жил в Петербурге, в Почтовом стане, под его покровительством. В разные годы Боровиковский написал несколько портретов Гавриила Романовича, портрет его первой жены, Екатерины Яковлевны, и известный портрет Дарьи Алексеевны Державиной на фоне усадьбы Званка 1813 года, ныне находящийся в собрании Государственной Третьяковской галереи.

45. Архив Института истории материальной культуры. Р. III -5666, п.3, л.1.

46. («1-й - 104 пуда, 25 фунтов; 2-й - 50 пудов и 37 фунтов; 3-й - 26 пудов и 37 фунтов, 4-й -12 пудов, на 5-м вес не сказан; 6-й - 1 пуд ,17 3/4 фунтов; 7-й - 1 пуд и 5 фунтов»). Там же, л.9 об.

47. Там же, л.10

48. Архив Института истории материальной культуры, ф.68, оп.1, №11(13), 1911. л.2-2 об.

49. Там же. «Все эти иконы, - писал Петр Никольский, - написаны на картоне, хорошо сохранились. Теперь крестьяне поставили в церкви новый иконостас, а старый поставили к стене в боковом приделе церкви. Во время богослужений в большие праздники стена потеет, отчего мокнут и портятся иконы. Пройдет 4-5 лет и эта редкая ценность погибнет, уже и теперь они значительно потрескались... Лет восемь тому назад я видел там икону Велико-мученицы Екатерины, писанную, по преданию, Боровиковским будто бы с императрицы Екатерины Второй, но она куда-то уже исчезла... От Вас, Ваше Императорское Высочество зависит спасти эту историческую ценность».

50. Там же, л.4

51. Там же, л.5

52. Там же. л.7

53. Там же.

54. Там же.

55. Там же.

56. «Старые годы». 1912, июль-сентябрь. С.147